

А.Ю. ВАТЛИН

НЕМЕЦКОЕ АНТИГИТЛЕРОВСКОЕ СОПРОТИВЛЕНИЕ В ИСТОРИОГРАФИИ СССР И РОССИИ

Понимание проблем прошлого невозможно без всестороннего учета общественно-политического и даже международного контекста. Рассказывая об изучении германского Сопротивления национальной исторической наукой, историки России и Германии фактически повествуют об истории своих собственных стран, и лишь отчасти пишут нашу общую интеллектуальную биографию. Оба этих фактора оказывали и оказывают влияние на то, как советские и их преемники – современные российские историки – трактовали и трактуют историю немецкого Сопротивления; некоторые из заложенных советской историографией традиций заметны и сегодня.

Термин “Сопротивление” как собирательное обозначение подпольной борьбы немцев с нацистским режимом утвердилось в советском историческом дискурсе не без труда, причем относительно недавно. В советское время чаще писали “борьба против фашизма”, что порождало параллели с классовой борьбой. В каталоге Российской государственной библиотеки, который до сих пор состоит из бумажных карточек, соответствующий раздел и сегодня называется “Классовая борьба и движение Сопротивления”.

В XXI в. можно отметить скорее обратную тенденцию: термин “Сопротивление” стал слишком популярным, можно констатировать его инфляционное употребление. Он интегрирует в себя все больше различных тем, например, “сопротивление на территории, оккупированной немецкими войсками” (вместо партизанского движения, как писали раньше). Почти все, что в истории Великой Отечественной войны не рассматривается в качестве коллаборационизма на временно оккупированной гитлеровцами и их сателлитами советской территории, считается Сопротивлением оккупантам.

В последние годы в российской литературе Сопротивлением стали называть и войсковые оборонительные операции, например, сопротивление Юго-Западного фронта на первом этапе Сталинградской битвы. В статью об антифашистском Сопротивлении в Российской энциклопедии включены и советская разведчица Ильяза Штёбе, и Черный фронт нациста Отто Штрассера. Споры об армии Власова как “антисталинском сопротивлении” не утихают и по сегодняшний день: утверждается, что солдаты РОА тоже боролись с тоталитаризмом!

ГЕРМАНСКОЕ СОПРОТИВЛЕНИЕ ФАШИЗМУ – ИСТОРИОГРАФИЯ СОВЕТСКОЙ ЭПОХИ

Когда автор, работая над статьей, заказывал советскую литературу по теме исследования, библиотекари удивлялись: эти книги не трогали последние четверть века! За это время российские историки ушли далеко вперед, пользуясь полученной свободой исследования. Нашим предшественникам в СССР было гораздо тяжелее – каждое их слово, сказанное и написанное, взвешивалось на весах идеологии.

В советской исторической науке господствовала априорная заданность общих оценок и закономерностей общественного прогресса – настоящее командовало прошлым,

Ватлин Александр Юрьевич – доктор исторических наук, профессор исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

политики руководили историками. Как говорилось тогда, работа историков велась “на острие идеологической борьбы”, а значит, оставляла мало шансов для научного творчества. Не все было абсолютно плохо в трудах той эпохи, которые больше воспитывали, чем представляли результаты научных исследований. Среди позитивных моментов советской историографии – четкие ориентиры антифашистской борьбы, а также пацифизм – “такое не должно повториться”.

Первый всплеск интереса к германскому Сопротивлению, если судить по вышедшим научным трудам, пришелся в СССР на рубеж 1960-х годов. Это значит, что труды эти писались за три-четыре года до выхода в свет, они проходили сложную процедуру обсуждений, согласований и цензурных разрешений. Под воздействием XX съезда КПСС и хрущевской “оттепели” историки стали искать новые темы, которые подчеркивали общность целей СССР и Запада в годы Второй мировой войны. В работах историков доминировали стереотипы той эпохи: необходимость изучения темы увязывалась с реваншизмом и неонацизмом, который тогда поднимал голову в Западной Германии. Им противопоставлялись традиции антифашистской борьбы, которая являлась частью рабочего движения и находилась под контролем коммунистов.

В 1961 г. появилась работа Л.И. Гинцберга и Я.С. Драбкина “Немецкие антифашисты в борьбе против гитлеровской диктатуры”¹, через год – коллективная монография о Сопротивлении в различных странах Европы², в 1964 г. – монография А.С. Бланка “КПП в борьбе против фашистской диктатуры”³. Похожими были не только название, но и общее содержание книг. Немало общего имела и биография авторов. Все они были ветеранами Великой Отечественной войны, были политработниками, переводчиками, офицерами разведки и спецпропаганды, которая велась на войска противника.

В центре внимания этих авторов было Сопротивление коммунистов. В их книгах до мельчайших подробностей были прослежены связи немецких подпольщиков с ЦК КПП, находившимся в Москве, реконструированы попытки воссоздать ячейки КПП на заводах, наладить издание подпольной литературы и периодики. Особо выделялась борьба коммунистов – узников концлагерей. Исключительно на их счет записывалось объединение советских “остарбайтеров” и военнопленных, проведение саботажа на военных предприятиях Германии⁴.

В таком же духе были выдержаны и первые научные работы о «Национальном комитете “Свободная Германия”» (НКСГ)⁵. В них давались явно преувеличенные цифры сторонников этого движения; тезис о его тесной связи с подпольем в самой Германии повисал в воздухе. Авторам книг о КПП в годы фашизма все же приходилось отвечать на вопрос, почему эта партия так и не смогла своими силами свергнуть гитлеровскую диктатуру. Ответ определялся господствующей в СССР идеологией: считалось, что потенциальные союзники, олицетворявшие противоположные классовые силы (церковь, предприниматели) боялись прихода к власти коммунистов еще больше, чем сохранения в Германии власти Гитлера.

Как видим, история немецкого Сопротивления в те годы являлась частью идеального фронта “холодной войны”, когда на каждый выпад одной стороны следовал симметричный ответ. Если Запад игнорировал вклад коммунистов в победу над фашизмом, называя их “рукой Москвы”, предателями национальных интересов, то историки СССР и ГДР отвечали в том же духе, упорно не замечая “правое” Сопротивление.

¹ Гинцберг Л.И., Драбкин Я.С. Немецкие антифашисты в борьбе против гитлеровской диктатуры (1933–1945). М., 1961.

² Антифашистское движение Сопротивления в странах Европы в годы второй мировой войны. М., 1962, с. 688–732.

³ Бланк А.С. КПП в борьбе против фашистской диктатуры. М., 1964.

⁴ Бродский Е.А. Коммунисты во главе освободительной борьбы советских военнопленных в гитлеровской Германии. – Вопросы истории КПСС, 1962, №3; Семиряга М.И. Вторая мировая война и пролетарский интернационализм. М., 1962, с. 114–116.

⁵ Бланк А., Левель Б. Наша цель – свободная Германия. Из истории антифашистского движения “Свободная Германия” (1943–1945). М., 1969.

Это наиболее ярко отразилось в трактовках заговора 20 июля 1944 г. Его лидерами, как подчеркивали советские историки, двигали не этические и религиозные соображения, а страх расплаты за преступления после того, как эпоха побед вермахта закончилась. Это был “верхушечный путч”, который даже в случае успеха не поддержали бы массы. Контакты с западными союзниками нужны были заговорщикам только для того, чтобы сохранить фашистский режим и продолжить войну с СССР⁶. “Советские историки долго не хотели признавать того очевидного факта, что заговор немцев против Гитлера объективно способствовал победе антигитлеровской коалиции”, отмечает историк Б.Л. Хавкин, ведущий современный исследователь германского Сопротивления в России⁷.

Однако не все советские исследования были выдержаны в духе “генеральной линии партии”. Были и счастливые исключения. Так, книга Д.Е. Мельникова о заговоре генералов против Гитлера, изданная в 1962 г., сформировала образ этого события у нескольких поколений историков. Отдавая должное стереотипам тех лет, Мельников в то же время подчеркивал личное мужество и неоднородность во взглядах заговорщиков, особо выделяя роль графа К. Штауффенберга – его представления о будущем “отличались реализмом и пониманием подлинных интересов Германии”⁸.

Следующий всплеск интереса советской историографии к германскому Сопротивлению пришелся на первую половину 1970-х годов и также был вызван внешними факторами. Во-первых, руководство СССР после того, как революция 1917 г. отметила полувек юбилей, стало искать новые, более свежие опоры для идеологической легитимации собственной власти; на первое место стала выдвигаться история Великой Отечественной войны. Во-вторых, появились книги и фильмы западных авторов, раскрывающие вклад советских разведчиков в общую победу над фашизмом⁹. В результате руководители и члены подпольных антифашистских организаций в 1969 г. были награждены советскими орденами и медалями, об их подвиге стали писать газеты и журналы. Естественно, встал вопрос о том, что же знают в Советском Союзе о немецком Сопротивлении.

Через 5 лет после этого награждения появилось солидное исследование А.С. Бланка, посвященное “Красной Капелле”¹⁰. Принципиальный тезис о руководстве этой группой со стороны КПГ не ставился под сомнение, и в то же время признавалось, что ее руководители имели связи с представителями буржуазной оппозиции. В итоге, согласно подзаголовку книги, получился “Народный фронт в действии”, то есть принятая Коммунистическим Интернационалом еще в 1935 г. тактика сплочения всех антифашистских сил в одном блоке.

Научные работы о немецком Сопротивлении, даже написанные на солидной источниковой базе, не вызывали в Советском Союзе большого общественного интереса. Фактически советские историки вели бой с тенью (в роли последней выступала историография западных стран, хотя труды ее представителей ни купить, ни прочитать в СССР было почти невозможно). Повторяемые из книги в книгу выводы были невероятно скучны и не содержали в себе новых оригинальных оценок, не трогали душу читателя.

При этом в советском обществе все более нарастал запрос на всю правду о Второй мировой войне, в том числе и на такие ее страницы, которые плохо вписывались

⁶ Движение Сопротивления в годы второй мировой войны. Борьба против фашизма в Европе и японского милитаризма в Азии (советская историография). М., 1985, с. 223.

⁷ Хавкин Б.Л. Россия и Германия: 1900–1945. Сплетение истории. М., 2014, с. 254–255.

⁸ Мельников Д.Е. Заговор 20 июля 1944 г. в Германии. Легенда и действительность. М., 1962.

⁹ “Qui êtes-vous, Monsieur Sorge?” (Кто вы, доктор Зорге?) – фильм французского режиссера Ива Чампи 1961 г.; Perrault G. L'Orchestre rouge, Librairie Arthème Fayard, Paris, 1967; Пеппо Ж. Красная Капелла. Пер. с франц. М., 1990.

¹⁰ Бланк А.С. В сердце “Третьего рейха”. Из истории антифашистского Народного фронта в подполье. М., 1974.

в тезис о доминировании коммунистов в немецком Сопротивлении. И здесь на себя лидирующую роль взяли художники, писатели и кинорежиссеры. В 1973 г. появился 5-серийный фильм “Освобождение”, где эпизоду покушения на Гитлера было уделено большое внимание. Израненный полковник Штауффенберг, уцелевшей рукой приводящий в боевое положение взрыватель бомбы, предназначенной для казни Гитлера, стал одним из самых запоминающихся образов фильма.

Еще один советский телесериал “Семнадцать мгновений весны” рассказывал о взаимодействии проникшего в разведку СС советского разведчика Исаева-Штирлица с немецкими борцами Сопротивления. Его помощниками были отнюдь не коммунисты и даже не рабочие, а протестантский пастор и профессор биологии. Хотя многие действующие лица сериала были вымышленными персонажами, они стали культовыми фигурами для нескольких поколений советских и российских людей. Их популярность не исчезла и на сегодняшний день¹¹.

Составной частью “брежневской волны” и одновременно символом ее завершения стал вышедший в 1975 г. тиражом в 60 тыс. экземпляров перевод биографии Штауффенберга, написанной историком из ГДР К. Финкером. Автор вышел за рамки надоевших схем и стереотипов, подчеркивая этические мотивы поступка своего героя, и в то же время признавая, что в одиночку без массовой поддержки Штауффенберг и его соратники не смогли бы добиться успеха. Предисловие Д.Е. Мельникова, равно как и подробные примечания переводчика Г.Я. Рудого, корректировали концепцию автора. Внимание советского читателя концентрировалось на поляризации сил в лагере заговорщиков, на эволюции взглядов героя, который искал контактов и в коммунистическом подполье. Утверждалось, что программа группы Штауффенберга “предусматривала национализацию ключевых отраслей промышленности, обуздание власти монополистического капитала в стране”¹².

В основе третьей и последней волны интереса советских историков к проблематике германского сопротивления также лежали внешние факторы. В 1985 г. отмечалось 40-летие победы СССР в Великой отечественной войне. Накануне юбилея в подмосковном городе Красногорске, где во время войны находилась центральная антифашистская школа для военнопленных, был открыт Мемориальный музей немецких антифашистов. Концепция и экспозиция музея разрабатывались в тесном сотрудничестве с историками и политиками из ГДР; на его открытие прибыл руководитель ГДР Эрих Хонеккер. В условиях нараставшего кризиса “реального социализма” и в Москве, и в Восточном Берлине искали новые точки опоры прежде всего в прошлом, подвергнув идеологической цензуре.

Не меньшее влияние на приход третьей волны оказал факт, что в 1985 г. на Всемирном конгрессе исторических наук в Штутгарте Сопротивление рассматривалось как одна из “больших тем”. Историки, работавшие в системе АН СССР, обратились к этой теме не в последнюю очередь потому, что она увязывала воедино советский и европейский военный опыт, демонстрировала, что в условиях угрозы мировой цивилизации классовые интересы и политические амбиции должны быть отодвинуты на второй план.

Итоги исследований Института всеобщей истории РАН, начатых в 1985 г., были опубликованы 5 лет спустя в 1990 г. Координатором всех проектов, посвященных истории антифашистского Сопротивления в Европе, стала Н.П. Комолова, автор трудов об итальянском Сопротивлении. Две объемистые монографии, вышедшие под ее редакцией, собрали почти всех звезд советской историографии. В книге “Движение Сопротивления в Западной Европе, 1939–1945” историки нашли немало нового. Так,

¹¹ Самутина Н.В. “А Вас, Штирлиц, я попрошу остаться...”: к проблеме современной рецепции советского кино. – Неприкосновенный запас, 2009, № 3; Хавкин Б.Л. Миф о Штирлице. – СССР, его союзники и противники во Второй мировой войне. Материалы международной научно-практической конференции. М., 2010.

¹² Финкер К. Заговор 20 июля 1944 года. Дело полковника Штауффенберга. М., 1975, с. 12.

М.М. Наринский выстроил иерархию форм и методов антифашистского Сопротивления – начиная от пассивных протестов и заканчивая массовыми боевыми организациями. Новым словом для советской историографии было и признание того, что “участники внутригерманского Сопротивления оказались перед драматической дилеммой: либо способствовать поражению собственной страны в войне, чтобы добиться свержения гитлеризма, либо самим попытаться свергнуть фашистское правительство, чтобы заключить мир и предотвратить национальную катастрофу”¹³. Традиции антифашистской борьбы дали бесценный опыт сплочения различных политических сил перед общей угрозой, что вписывалось в горбачевскую стратегию сворачивания “холодной войны” и признания приоритета общечеловеческих ценностей.

Во втором томе издания речь шла о национальных вариантах антифашистского сопротивления¹⁴. Автор статьи о Германии М.Б. Корчагина большую часть своего текста посвятила антифашистской борьбе коммунистов, демонстрируя уходящий в прошлое классовый подход. В качестве позитивных моментов ее статьи следует отметить включение элементов социальной истории, рассказ о повседневной жизни немцев (гибель близких, голод, бомбардировки немецких городов), которая стимулировала антигитлеровские настроения в тылу. М.Б. Корчагина пришла к неоспоримому выводу, что “важнейшим итогом антифашистской борьбы в Германии явился рост общедемократического сознания в обществе”¹⁵.

В статье М.Б. Корчагиной появились элементы осторожной критики германских коммунистов: “Приоритет классовых интересов в документах КПГ не мог обеспечить ее программе безоговорочную поддержку непролетарских слоев”¹⁶. И в то же время, ни слова не было сказано о том, что в период действия советско-германского пакта о ненападении Коминтерн сдерживал антифашистскую пропаганду, хотя в годы перестройки об этом писали даже сотрудники Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС¹⁷.

В книге Л.А. Мерцаловой о западногерманской историографии Сопротивления, которая вышла в 1990 году, все еще сохранялись мотивы “холодной войны”: западный империализм готовит новую мировую войну, и чтобы противостоять ему, следует извлечь опыт германских антифашистов. Л.А. Мерцалова делила историографию ФРГ по близости авторов к тем или иным партиям: неофашисты и консерваторы тяготеют к ХДС, либералы – к СвДП, левые неомарксисты – к СДПГ¹⁸. Автор писала, что в целом среди историков ФРГ продолжает доминировать исторический идеализм – “в представлении многих авторов социально-политические мотивы Сопротивления часто заслонены этическими”. Впрочем, в духе перестройки она признавала, что под влиянием “деформаций сталинизма” и советская историческая наука не всегда давала оценки, свободные от политической конъюнктуры¹⁹.

Можно привести и более яркие примеры сохранения стереотипов прошлого в головах советских историков: “Деятели 20 июля хотели подменить рушащуюся фашистскую диктатуру военно-клерикальной”, – писал Г.Л. Розанов в 1990 г., на пике перестройки и гласности²⁰.

Работы советских историков конца 1980-х годов, посвященные немецкому Сопротивлению, показывают, что в годы перестройки язык и мышление исторической науки

¹³ Движение Сопротивления в Западной Европе, 1939–1945. Общие проблемы. М., 1990, с. 54, 72.

¹⁴ Движение Сопротивления в Западной Европе, 1939–1945. Национальные особенности. М., 1991.

¹⁵ Там же, с. 83.

¹⁶ Там же, с. 55.

¹⁷ Фирсов Ф.И. Сталин и Коминтерн. – История и сталинизм. М., 1991, с. 196.

¹⁸ Мерцалова Л.А. Немецкое Сопротивление в историографии ФРГ. М., 1990, с. 14.

¹⁹ Там же, с. 219, 214.

²⁰ Розанов Г.Л. Конец “Третьего рейха”. М., 1990, с. 52.

никак не поспевали за темпом общественных изменений. Книги и статьи, которые при написании казались авторам почти революционными, в момент публикации уже безнадежно устаревали. Общество двигалось вперед, рухнул железный занавес, стали появляться переводы западных авторов, с которыми ни язык, ни содержание работ советских историков конкурировать не могли. Выросшие в старой системе координат, они все еще чувствовали себя как сапер на минном поле: как будто бы одна идеологическая ошибка могла стоить им, если не жизни, как в сталинские времена, то, по крайней мере, исключения из партии и снятия с работы. Однако эти времена канули в лету в годы перестройки и гласности.

СТАНОВЛЕНИЕ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ НЕМЕЦКОГО СОПРОТИВЛЕНИЯ

В 1990-е годы началась интеграция бывших советских историков в мир европейской исторической науки. Российские ученые получили возможность ездить на конференции, общаться с ведущими коллегами из западных стран, свободно изучать западные источники и литературу. В 1990 г. вышли в свет мемуары советского разведчика и одного из руководителей “Красной капеллы” Л.З. Треппера “Большая игра”, а также русский перевод упомянутой книги Ж. Перро “Красная Капелла”.

Появились и первые труды отечественных ученых, прокладывавшие мостики к новым рубежам. Большой общественный интерес вызвала книга А.С. Бланка и его ученика Б.Л. Хавкина, посвященная жизни фельдмаршала Паулюса после его пленения под Сталинградом. Во время войны Бланк работал с Паулюсом в качестве переводчика; на основе личного опыта он показал, как шел процесс сближения командующего 6-й армии вермахта и «Национального комитета “Свободная Германия”» (лишь 8 августа 1944 г., во многом под воздействием неудавшегося заговора 20 июля 1944 г., Паулюс выступил с антигитлеровским воззванием). Книга стала первой ласточкой российской “архивной революции”, открытия для исследователей ранее закрытых советских архивов. Усилиями Б.Л. Хавкина в книге по-новому была представлена предыстория роспуска НКСГ, трагическая судьба президента “Союза немецких офицеров” генерала В. фон Зейдлица²¹.

Окончательное падение идеологических шор, отказ от классового языка и непропорционального превознесения роли КПГ в Соппротивлении произошло уже после перестройки. Российские историки тогдашнего молодого поколения искали стратегию “преодоления” советского прошлого; они обращались к опыту послевоенной Германии, в которой долгое время шли дебаты о том, кем же были заговорщики 1944 г. – предателями, нарушившими присягу или героями, поставившими свою жизнь на карту национальных интересов.

В современных оценках антифашистского сопротивления в Германии отражаются “острые проблемы российского восприятия прошлого”²², такие как право на борьбу с диктаторским режимом, противостояние патриотизма и коллаборационизма. Тогда, в начале 1990-х годов, историки рассчитывали на использование опыта “преодоления нацистского прошлого” в Германии для ускоренного формирования демократической культуры России...

Следует самокритично признать, что мы, российские историки, были наивны, считая, что в исторических оценках достаточно сменить знак плюс на минус и наоборот, что освобождение от наследия диктатуры сравнимо с выздоровлением от тяжелой болезни, с возвратом к некоему нормальному, естественному состоянию, которого мы так и не достигли на сегодняшний день. Вот один из примеров российской исторической публицистики тех лет: “Мы переживаем мучительный период излечения от тоталитаризма...”

²¹ Бланк А.С., Хавкин Б.Л. Вторая жизнь фельдмаршала Паулюса. М., 1990.

²² Хавкин Б.Л. Российская историография германского антигитлеровского Соппротивления. – СССР, его союзники и противники..., с. 42; *его же*. Россия и Германия: 1900–1945. Сплетение истории, с. 252–253.

литарной шизофрении... каждому из нас надо противостоять наследию сталинизма в наших генах и в нашем общественном устройстве”²³.

Следует отметить, что новые веяния начала 1990-х годов принесли не только положительные перемены в жизни российских историков. Рыночные отношения разрушали старую историческую науку, превращали ранее размеренную жизнь ученых в гонку за заработками, грантами, стипендиями. Далеко не все историки были согласны с таким изменением статуса и функций своей собственной науки. Еще меньше они были готовы принять новые правила игры и писать “на потребу публики”. В этом заключается одна из причин того, что российская историческая наука, а следовательно, и историки германского Сопротивления, не может предъявить за последние десятилетия масштабных трудов, сопоставимых с теми, что выходили в свет в начале 1960-х и в 1990 году.

И все же в работах первой половины 1990-х годов (многие из них остались незамеченными из-за мизерных тиражей, из-за того, что постсоветское общество было занято проблемами выживания), было сделано немало. Историки, занимавшиеся германским Сопротивлением, уверенно догоняли своих западных коллег. Среди прочего в их работах была показана динамика в оценках деятелей военного Сопротивления в самой ФРГ – от предателей до символов современной германской демократии, что стало среди прочего основой для воспитания гражданского самосознания солдат и офицеров бундесвера. В диссертации Д.А. Смирнова проанализирована роль в этом процессе Мемориального музея немецкого Сопротивления на берлинской Штауффенберг-штрассе (бывшей Бендлер-штрассе), где находился “мозговой центр” заговорщиков 20 июля 1944 г.²⁴ Д.А. Смирнов выдвигает тезис об “антивеймарском консенсусе” заговорщиков: в своих размышлениях о будущем Германии они видели главное диалектическое противоречие не в борьбе между социализмом и капитализмом, а в противостоянии индивидуализма и коллективизма.

На первый план в работах отечественных историков вышли нравственные мотивы участников Сопротивления, появились попытки реконструкции их мировоззрения. Превращение консервативных соратников Гитлера в его противников показано Б.Л. Хавкиным на примере генерал-майора Хеннинга фон Трескова – потомственного кадрового прусского офицера, разделявшего консервативные ценности; ничто не предвещало его превращения в антифашистского борца. Первые сомнения в правильности выбранного пути зародились у Трескова, когда он получил информацию о массовых расстрелах евреев на территории СССР в 1941 г.²⁵ Вслед за немецким историком М. Брошатом российские исследователи подчеркивают, что участники заговора 20 июля 1944 г. достойны моральной славы, но шансов на успех они не имели, демонстрируя в ряде случаев политическую беспомощность²⁶.

На первое место среди достижений российских историков 1990-х годов следует поставить поиск и анализ новых документов, посвященных проблемам антифашистского Сопротивления – то, что было названо “архивной революцией”. Б.Л. Хавкиным были введены в научный оборот тюремные письма Эрнста Тельмана И.В. Сталину за 1939–1941 гг.²⁷, уникальные документы из истории “Красной Капеллы”; им же были опубликованы новые документы по истории заговора 20 июля 1944 г. (досье майора

²³ *Борозняк А.И.* Искушение. Нужен ли России германский опыт преодоления тоталитарного прошлого? М., 1999, с. 11.

²⁴ *Смирнов Д.А.* Берлинский Мемориальный центр “Германское Сопротивление”: общественно-политическая и научная деятельность. Воронеж, 2000.

²⁵ *Хавкин Б.Л.* Сопротивление Вермахта на Восточном фронте и генерал Х. фон Тресков. – Новая и новейшая история, 2013, № 1.

²⁶ *Хавкин Б.Л.* Под боком у фон Бока. – Родина, 2011, № 11.

²⁷ Неизвестные письма Эрнста Тельмана И.В. Сталину и В.М. Молотову. 1939–1941 гг. Предисловие и комментарии В.С. Рыкина, Б.Л. Хавкина. – Новая и новейшая история, 1996, № 6; 1997, № 1, 2.

Й. Куна)²⁸. Стало ясно, что в 1944 г., благодаря переходу Куна на сторону Красной Армии. Сталин гораздо больше знал о планах заговорщиков, чем лидеры западных держав антигитлеровской коалиции.

Публикации позволили дать более многогранный портрет первых лиц заговора. Так, Кун рассказывал в ходе одного из допросов о своей беседе со Штауффенбергом в ставке Верховного главнокомандования вермахта в Виннице в августе 1942 года. Штауффенберг сказал Куну: “Эта война является бессмысленным преступлением... Первопричину всех несчастий надо искать в личности фюрера и в его национал-социалистической теории... Если войну больше нельзя выиграть, то нужно сделать все, чтобы спасти немецкий народ”²⁹.

На протяжении многих лет исследователь из Оренбурга И.В. Храмов занимается поиском документов к биографии одного из лидеров группы “Белая Роза” русского немца Александра Шмореля. В посвященном ему документальном сборнике опубликованы листовки этой группы, протоколы допросов Шмореля в гестапо³⁰. В авторском подходе явно присутствует преувеличение биографического аспекта: “российское происхождение Шмореля отразилось на деятельности всей студенческой группы, создало в ней атмосферу восторженного отношения к России”³¹. И все же искреннее желание И.В. Храмова вернуть своего героя на историческую родину (которую он покинул четырёхлетним мальчиком) заслуживает уважения.

В последние годы усилия энтузиастов-одиночек были дополнены солидными академическими изданиями, в основе которых лежали документы из архива ФСБ. В 2009 г. были опубликованы материалы допросов генералов, попавших в плен к Красной Армии³². Они еще ждут внимательного анализа исследователей. Приведу лишь один пример: допрос немецкого разведчика Оскара фон Нидермайера. Среди прочего он сообщил, что в начале 1941 г. встречался с послом Шуленбургом в Москве, и тот просил его передать в Генштаб, что война с СССР окажется губительной для Германии.

Другое издание документов из архива ФСБ – “Тайны дипломатии Третьего рейха”. Так или иначе, многие из сотрудников внешнеполитического ведомства Германии в ходе допросов говорили о противодействии гитлеровскому режиму. Так, сотрудник германского посольства в СССР Г. Штарке по просьбе следователя дал развернутый политический портрет своего непосредственного начальника, посла Шуленбурга. Тот считал объявление войны безумием, о чем открыто говорил своим коллегам во время интернирования посольства в Костроме в июле 1941 г.

Летом 1943 г. Шуленбург предложил свои услуги для налаживания мирных переговоров. Заговорщики планировали отправить Шуленбурга после переворота в Москву, об этом посол рассказал Штарке 14 августа 1944 г. накануне ареста³³. Оказавшись после войны в Москве, Штарке передал последнее слово своего шефа, предназначенное для наркома иностранных дел СССР В.М. Молотова: я всю жизнь служил советско-германскому сотрудничеству³⁴.

Не менее интересны заметки К. Клодиуса о деле Р. фон Шелиа, немецкого дипломата, поставлявшего информацию советской разведке³⁵. Арест Шелиа вызвал боль-

²⁸ Хавкин Б.Л. Заговор против Гитлера. – Родина, 2004, № 6.

²⁹ Новый источник по истории заговора против Гитлера 20 июля 1944 г. – Новая и новейшая история, 2002, № 3.

³⁰ Храмов И.В. Русская душа “Белой розы”. Оренбург. 2009.

³¹ Там же, с. 12.

³² Генералы и офицеры вермахта рассказывают: документы из следственных дел немецких военнопленных. 1944–1951. М., 2009.

³³ Тайны дипломатии Третьего рейха: германские дипломаты, руководители зарубежных военных миссий, военные и полицейские атташе в советском плену: документы из следственных дел, 1944–1955. М., 2011, с. 509–510.

³⁴ См.: Хавкин Б.Л. Граф Шуленбург: “Сообщите Молотову, что я умер... за советско-германское сотрудничество”. – Родина, 2011, № 1, с. 121–127.

³⁵ Министериальдиректор Клодиус был арестован в 1944 г. в Румынии. – Тайны диплома-

шие толки среди чиновников германского МИДа, хотя следствие велось максимально секретно. Причиной провала стала откровенная халатность: на вокзале в Берлине был задержан солдат с фальшивыми документами, оказавшийся советским агентом, у него была найдена копия расписки Шелиа о получении денег.

В показаниях генерал-майора К. Шпальке – сотрудника Третьего (разведывательного) отдела Генштаба – содержатся характеристики генералов Бека и Штюльпнагеля, других высших офицеров и чиновников, арестованных после 20 июля 1944 г. Когда партийные боссы пожаловались фюреру о том, что Шпальке ведет в своих докладах пропаганду в пользу СССР, его начальник Бек сказал: “Если офицеру больше не разрешено докладывать правду, нечего ему вообще заниматься докладами”. В документальном сборнике “Тайны дипломатии третьего рейха” впервые приводится информация о деятельности “русского кружка” – группы сотрудников Русского комитета германской промышленности, о господствовавших там оппозиционных настроениях³⁶.

КЛЮЧЕВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ВОСПРИЯТИЯ НЕМЕЦКОГО СОПРОТИВЛЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Как воспринимают в России историю антифашистского Сопротивления в Германии? На первое место придется поставить факт, что в общественном мнении оно чаще всего воспринимается в беллетризованном ключе, как битва разведок. Книги, выдержанные в таком духе, выходят регулярно, написаны они нередко в популярно-художественном стиле (например, там присутствуют диалоги героев) и предназначены для широкой аудитории. Авторами, как правило, выступают отставные разведчики, только у них есть доступ к архивным материалам Службы внешней разведки РФ³⁷.

К сожалению, иногда при чтении подобных “шпионских романов” теряется моральный аспект деятельности тех, кто сражался с Гитлером за линией фронта, читатель воспринимает борьбу разведок как шахматное состязание, в котором не имеет особого значения, играешь ли ты за белых или за черных. В качестве позитивного момента следует отметить элементы критики руководителей советской разведки, которые порой проявляли халатность, не жалели жизни агентов, заброшенных в тыл врага (нередко это были германские коммунисты, пережившие в СССР период сталинских репрессий), не могли обеспечить их качественной радиоаппаратурой.

Историки активно пользуются содержащейся в таких книгах информацией, хотя проверить ее возможности не имеют. Центральное место среди сюжетов “шпионской литературы” занимает история “Красной Капеллы”. Если в советское время она рассматривалась как самостоятельная организация Сопротивления, работавшая в контакте с КПГ, то в 1990-е годы стала преобладать точка зрения, что это была часть обширной резидентуры советской разведки. Ряд бывших сотрудников разведки, как и ученые-историки, спорят с такой точкой зрения, подчеркивая специфику группы Х. Шульце-Бойзена и А. Харнака. “Красная капелла” не получала денег из СССР, ее члены проводили акты саботажа и антифашистскую пропаганду, что строго запрещено разведчикам-нелегалам. Гестапо свело воедино различные группы Сопротивления, так или иначе сотрудничавшие с советской разведкой, потому что хотело превознести свои успехи по разоблачению сети “международного шпионажа”³⁸.

Одной из самых загадочных фигур Красной Капеллы является Ильзе Штёбе, работавшая в Министерстве иностранных дел рейха. Схваченная гестапо, она не выдала своих товарищей и была казнена в 1943 г. В 1969 г. Штёбе посмертно была награж-

тии, с. 331–332.

³⁶ Там же, с. 714.

³⁷ *Томин В.* Большой шеф Красной Капеллы. Впервые в мире беседы с Леопольдом Треппером. М., 2005.

³⁸ *Пеццерский В.Л.* Красная Капелла. Советская разведка против абвера и гестапо. М., 2000, с. 317.

дена советским орденом Красного Знамени; ее имя часто появляется на страницах российской прессы. Ильзе была советской разведчицей; свою антифашистскую борьбу рассматривала как оказание помощи СССР, как вклад в дело мира и социального прогресса. По заказу МИД ФРГ Институтом современной истории в Мюнхене была проведена специальная научная экспертиза, в основу которой были положены российские публикации. Эксперты пришли к выводу, что “предательство рейха было для Штёбе актом Сопrotивления” и ее имя достойно быть занесенным на памятную доску германских дипломатов, погибших при исполнении своего долга³⁹.

В настоящее время российские историки активно участвуют в диалоге со своими германскими коллегами, причем в различных форматах. Так, в 2004 г. российско-германская комиссия историков провела специальное заседание, посвященное сравнительному анализу Сопrotивления диктатурам в России и Германии. К сожалению, значительная часть докладов в той или иной форме публиковалась ранее, что снижает научную ценность сборника статей по итогам данного заседания⁴⁰.

Долгое время слабым местом постсоветской историографии немецкого Сопrotивления оставалось фактологическое самоограничение, позитивистское преклонение перед деталями при реконструкции тех или иных событий. При таком подходе главным становится поиск нового источника, а не интерпретация текста и контекста, в котором он возник. Историки не изучают внутреннюю мотивацию авторов документов антифашистского Сопrotивления, таких, например, как политические концепции “Кружка Крайзау”, до сих пор мало известные российскому читателю. В результате такого подхода в исследованиях есть обилие сносок, но нет обобщений.

Следует приветствовать обращение коллег к такой теме, как антифашистская борьба советских военнослужащих, оказавшихся в годы войны в нацистских концлагерях на территории Германии⁴¹. Авторы опираются на воспоминания выживших пленных⁴², во все большем количестве научных работ используются материалы Центрального архива Министерства обороны РФ, которые ныне проходят процесс рассекречивания.

В последние годы стали появляться и аналитические работы, которые свидетельствуют о расширении исследовательских интересов, поиске новых тем и методологических подходов. Хотелось бы отметить статью А.И. Борозняка о том, как лидеры группы “Белая Роза” представляли себе современную им Россию⁴³. Первую попытку дать очерк становления российской историографии германского Сопrotивления предпринял Б.Л. Хавкин, на сегодняшний день остающийся главным действующим лицом на этом исследовательском поле⁴⁴.

Безусловно отрадным фактом является перевод на русский язык зарубежных изданий, посвященных проблемам антифашистской борьбы внутри Германии. Очевидно, что доминирует здесь тематика, связанная с “заговором генералов”, в расчете на прибыль издательства ориентируются на популярную литературу (зачастую даже без приставки “научно”). В каталоге Российской государственной библиотеки можно найти 12 книг популяризатора истории Г. Кноппа, переведенных в последние годы на русский язык⁴⁵, и только по одной книге таких маститых ученых, как Н. Фрай, М. Брошат, Я. Кершоу.

³⁹ *Scherstjanoi E.* Ilse Stöbe: Verräterin oder Patriotin? – Vierteljahrshefte fuer Zeitgeschichte, 2014, № 1.

⁴⁰ Сообщения Совместной комиссии по изучению новейшей истории российско-германских отношений, т. 3. Мюнхен, 2008, с. 148–299.

⁴¹ *Конопатченков А.В.* Концентрационные лагеря системы Маутхаузен в нацистской Германии (1938–1945 гг.): история, структура, сопротивление. (Автореферат канд. дисс.). М., 2010.

⁴² *Филатов А.Я.* Выжил вопреки всему. Воспоминания. Калуга, 2011, с. 3.

⁴³ *Борозняк А.И.* “Белая Роза”: германские антинацисты и их представления о России. – Новая и новейшая история, 2009, № 2.

⁴⁴ *Хавкин Б.Л.* Российская историография германского антигитлеровского Сопrotивления.

⁴⁵ Российские исследователи Сопrotивления в вермахте обычно используют книгу: *Knopp G.* История вермахта. Итоги. М., 2009.

Случаются и прямые подтасовки для того, чтобы успешнее продать товар. Книга американского историка Г. Дойча, появившаяся около полувека назад, подается как новейшая научная работа. У Дойча речь идет о периоде с сентября 1939 по май 1940 гг., издатели же поставили на обложке 1939–1944 годы⁴⁶. Рецепты конспирологической литературы, имеющей весьма отдаленное отношение к науке, попадают порой и в исторические труды. В качестве примера можно привести книгу, в которой проводятся явно натянутые параллели между выдуманным заговором советских военачальников, который дал Сталину возможность провести репрессии в верхушке Красной Армии, и антигитлеровским заговором 20 июля 1944 г., которым во все том же конспирологическом ключе руководил Гиммлер⁴⁷.

Следует признать, что появляются и качественные переводы научных и научно-популярных работ, изданные, как правило, при поддержке немецких фондов. Среди многих других следует назвать книгу С.А. Мадиевского о Сопротивлении “Спасателей”, сборники статей о судьбах библиотек графа Харденберга и посла Шуленбурга, частично оказавшихся в России, статью Г. Моммзена о восприятии Сопротивления германским обществом и статью Г. Юбершера об образе России у заговорщиков 20 июля 1944 г.⁴⁸

Составной частью фактологического уклона является то, что в современной российской историографии германского Сопротивления нет фундаментальных сравнительных исследований, сопоставимых с попыткой, предпринятой Институтом всеобщей истории в 1990 г. Сравнительный анализ этих проблем давно назрел⁴⁹. Нужны целенаправленные научные проекты, в идеале – с международным участием. Их задачей могло стать сравнение различных групп Сопротивления по разным критериям – идеологической базе, методам борьбы, контактам с державами антигитлеровской коалиции.

Вероятно, нежелание современных российских историков заниматься подобными темами связано с тем, что долгое время во главу иерархической пирамиды директивным решением власти была поставлена КППГ. Реакцией на это и становится отказ от попыток изучения внутренней структуры антифашистского Сопротивления, в том числе и в самой Германии. В результате в вузовских и школьных учебниках сохраняются старые подходы, например, лидеры заговора 20 июля 1944 г. делятся на реакционеров и патриотов, причем по явно упрощенному критерию – отношению к СССР.

К сожалению, тематика Сопротивления не находит отклика среди молодого поколения историков и в России, и в Германии: они почему-то уверены, что эта тема давно изучена. Видя, какое внимание уделяется истории Сопротивления в ФРГ, молодые российские ученые попросту опускают руки, считая, что у них нет шансов на равных вести научный диалог с зарубежными коллегами. Это печальный факт, но это факт: изучение борьбы немецких антифашистов в современной России остается уделом энтузиастов-одиночек. Заложенный в этой теме научный и воспитательный потенциал пока еще не в полной мере востребован российским обществом.

⁴⁶ Дойч Г. Заговор против Гитлера: деятельность Сопротивления в Германии 1939–1944. М., 2008.

⁴⁷ Колпакиди А.И., Прудникова Е.А. Двойной заговор. Сталин и Гитлер: несостоявшиеся пути. М., 2000.

⁴⁸ Моммзен Г. Оппозиция Гитлеру и немецкое общество в 1933–1945 гг. – Вторая мировая война. Дискуссион. М., 1997, с. 263–276; Мадиевский С.А. Другие немцы: сопротивление спасателей в Третьем рейхе. М., 2006; Граф Карл-Ханс фон Харденберг: одна из судеб немецкого Сопротивления. Предисловие Б.Л. Хавкина. М., 2007.

⁴⁹ Ватлин А.Ю. Сопротивление диктатуре как научная проблема: германский опыт и российская перспектива. – Вопросы истории, 2000, № 11–12, с. 20–37.